

Синьцзян-Уйгурский автономный район в международных отношениях Китая: часть Нового шелкового пути или очаг конфликта?

© Буяров Д.В.^а, 2022

^а Благовещенский государственный педагогический
университет, Благовещенск, Россия
ORCID ID: 0000-0002-8337-6817; buyarov_d@mail.ru

Резюме. В статье рассматривается место и роль Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) КНР в экономическом проекте Нового шелкового пути в контексте международных отношений Китая.

Значение СУАР для Китая в начале XXI в. возрастает благодаря его хозяйственно-экономическим и геостратегическим характеристикам. Экономическая стратегия Китая способствует его усилению в Центрально-Азиатском регионе и укрепляет позиции в сравнении с возможностями России и США. Для Китая это не только стремление к достижению внешнеэкономических целей, но и возможность снижения рисков террористической угрозы. Синьцзян становится не только плацдармом новой экономической политики КНР в Центральной Азии, но и связующим звеном важного маршрута товаров, сырья и инвестиций от Тихого океана до Европы.

В то же время СУАР является зоной длительной нестабильности, выражающейся в развитии сепаратизма, терроризма и экстремизма. Действия китайских властей направлены на стабилизацию обстановки в автономном районе. Но иногда это достигается силовыми методами и противоречит этнорелигиозным традициям местного населения. Таким образом, СУАР как часть Нового шелкового пути характеризуется не только как перспективно развивающийся регион, но и представляет собой очаг значительного риска.

Ключевые слова: Китай, Синьцзян-Уйгурский автономный район, Синьцзян, Новый шелковый путь, уйгуры, экономическая политика, терроризм

Для цитирования: Буяров Д.В. Синьцзян-Уйгурский автономный район в международных отношениях Китая: часть Нового шелкового пути или очаг конфликта? *Азия и Африка сегодня*. 2022 № 7. С. 31-39. DOI: 10.31857/S032150750016491-2

Xinjiang Uygur Autonomous Region in China's international relations: A part of the New Silk Road or a hotbed of conflict?

© Dmitry V. Buyarov^a, 2022

^a Blagoveshchensk State Pedagogical
University, Blagoveshchensk, Russia
ORCID ID: 0000-0002-8337-6817; buyarov_d@mail.ru

Abstract. The article examines the place and role of the Xinjiang Uygur Autonomous Region of the People's Republic of China in the economic project of the New Silk Road in the context of China's international relations. The importance of the XUAR for China at the beginning of the XXI century increases due to its economic and geostrategic characteristics. China's economic strategy contributes to its strengthening in the Central Asian region and strengthens its position in comparison with the capabilities of Russia and the United States.

For China, this is not only a desire to achieve foreign economic goals, but also an opportunity to reduce the risks of the terrorist threat. Xinjiang is becoming not only a springboard for China's new economic policy in Central Asia, but also a link between the important route of goods, raw materials and investments from the Pacific Ocean to Europe. At the same time, the XUAR is a zone of long-term instability, which is expressed in the development of separatism, terrorism and extremism.

The actions of the Chinese authorities are aimed at stabilizing the situation in the autonomous region. But sometimes this is achieved by force and contradicts the ethno-religious traditions of the local population. Thus, XUAR, which is part of the New Silk Road, is characterized not only as a promisingly developing region, but also represents a hotbed of significant risk.

Keywords: China, Xinjiang Uyghur Autonomous Region (XUAR), Xinjiang, New Silk Road, Uyghurs, economic policy, terrorism

For citation: Dmitry V. Buyarov (Blagoveshchensk). Xinjiang Uygur Autonomous Region in China's international relations: A part of the New Silk Road or a hotbed of conflict? *Asia and Africa today*. 2022. № 7. Pp. 31-39. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750016491-2

ВВЕДЕНИЕ

В начале XXI в. Китай стал играть все более значимую роль в мире. Перспективы усиления КНР стали вызывать некоторую озабоченность в странах Центральной Азии и на Западе. В июле 2011 г. госсекретарь США Х.Клинтон объявила о Стратегии Нового шелкового пути. В сентябре того же года в Нью-Йорке состоялась встреча высокопоставленных официальных лиц по иностранным делам из ряда стран, на которой была поддержана концепция «Нового шелкового пути» в Центральной Азии. В свою очередь, Х.Клинтон отметила, что экономическое развитие создаст перспективы для местного населения и станет альтернативой их сотрудничеству с боевиками (повстанцами) [1].

Заявления руководства США стали реакцией на реально происходившие события. Как отмечает отечественный китаевед, профессор А.В.Островский, «В 2005 г. Китай, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан начали реализацию региональной программы, призванной возродить Великий шелковый путь» [2, с. 210].

В сентябре 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин выступил с речью в Астане, в которой предложил стратегию «Экономического пояса Шелкового пути». По его словам, это должно было способствовать экономическим и культурным связям на Евразийском континенте, особенно торговым и инвестиционным, а также развитию инфраструктуры [3]. При этом он предложил строительство единой транспортной инфраструктуры от Тихого океана до Балтийского моря.

В октябре 2013 г., выступая в парламенте Индонезии и на сессии АСЕАН, Си Цзиньпин выдвинул концепцию общей судьбы КНР и АСЕАН, а также создания «Морского шелкового пути XXI века». В октябре 2014 г. в Пекине был подписан меморандум о создании Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, возглавляемого Китаем, для реализации проекта Экономического пояса Шелкового пути, включая его морской маршрут. Уставные капиталы Азиатского банка и Фонда Шелкового пути составили \$100 и \$40 млрд, соответственно.

Предложение Си Цзиньпина было направлено на усиление китайского влияния в Центральной Азии, которое должно было конкурировать или, по крайней мере, уравнивать американскую концепцию, предложенную ранее Х.Клинтон.

По словам китайских специалистов, термин «Шелковый путь» не только может вызывать теплые чувства за пределами Китая, но также способствует росту энтузиазма внутри страны, поскольку он затрагивает воспоминания о былом величии и его новых возможностях, что в целом сможет снова поставить Китай в центр мира [4]. Выступая в Астане Си Цзиньпин предостерег также от угроз терроризма, экстремизма и сепаратизма как причин повышенного внимания к экономическому развитию Синьцзяна и Центральной Азии.

В 1990-2000-е гг. Афганистан был не единственным очагом нестабильности в регионе. В Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР также имели место инциденты, связанные с применением насилия, обусловленные сепаратизмом, терроризмом и недовольством, вызванным рядом внутренних и внешних факторов.

СУАР И НОВЫЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ: ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ПРОБЛЕМЫ ВНУТРЕННЕЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

В экономическом проекте Нового шелкового пути Синьцзян-Уйгурскому автономному району отводится одна из ключевых ролей.

Район отличается достаточно выгодное географическое положение. Кроме того, Синьцзян имеет как туристическую инфраструктуру, так и аграрную и промышленную базу для развития внешнеэкономических контактов [5, с. 16-21]. Сухопутные пути КНР на Запад проходят, в основном, через Синьцзян, который за последние 10 лет превратился во внешнеэкономический хаб Центральной Азии¹.

Постепенно этот автономный район стал плацдармом Китая для проникновения не только в Центральную, но и в Южную и Западную Азию. Основным приоритетом стало развитие 3 транспортных маршрутов через Синьцзян. Согласно заявлениям китайского правительства, СУАР играет и будет играть важную роль в проекте «Один пояс - один путь» (ОПОП) не только в качестве транспортного узла, но и как центр коммерческой логистики, а также центр развития туризма, культуры, науки и образования и медицинского обслуживания [6].

¹ В географическом и этнокультурном контексте к региону Центральная Азия относятся не только пять постсоветских республик (Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Кыргызстан и Таджикистан), но Синьцзян. СУАР связан со странами Центральной Азии в культурном, национальном, а в последние десятилетия - и в экономическом плане.

За последние 20 лет аграрно-промышленная база СУАР получила значительное развитие, и для стран Центральной Азии этот регион превратился в своего рода «промышленную мастерскую» (Синьцзян экспортирует не только одежду и обувь, но и электромеханические изделия)². Здесь существует относительно развитая туристическая инфраструктура, в т.ч. для шоп-туризма. На границах СУАР работает 29 контрольно-пропускных коридоров, из которых 17 имеют статус «открытых районов государственного значения». В пределах Синьцзяна функционирует 8 районов с особым налоговым режимом, созданы свободные экономические зоны в Хоргосе и Кашгаре и экспортно-импортный район в Урумчи.

Одним из показателей экономического роста являются объемы внешнеторгового оборота провинции. Совокупный товарооборот СУАР за 2019 г. составил более 164 млрд юаней (около \$23,4 млрд), из них экспорт - 125 млрд и импорт - 39 млрд юаней. По сравнению с 2018 г. внешнеторговый оборот Синьцзяна увеличился на 31%. Примечательно, что значительную долю в экспорте СУАР (около 30,7 млрд юаней) составили электромеханические изделия [7]. При этом следует отметить, что экономическое развитие региона замедлилось в условиях пандемии COVID-19. Из-за закрытия границ снизился товарооборот СУАР, составивший в 2020 г. 148 млрд юаней (\$20,7 млрд) [8].

В целом успешной экономической политике стала мешать сложная этнополитическая обстановка в регионе. Синьцзян традиционно был одной из самых беспокойных провинций Китая, что обусловлено этно-религиозными, культурно-историческими и социально-экономическими противоречиями между коренным тюркоязычным населением, среди которого преобладают уйгуры, и ханьцами. В результате беспорядков, произошедших 5 июля 2009 г., по официальным китайским оценкам, погибли 197 человек. После июльских событий был принят ряд мер, направленных на обеспечение стабильности, большинство из которых были сосредоточены на улучшении экономических показателей. В 2010 г. в г. Кашгар, центре уйгурской культуры и истории, была создана особая экономическая зона. Целью властей было превратить Кашгар в крупный транспортный узел, открыв рынки в Центральной Азии и за ее пределами, а также поощрить инвесторов и предпринимателей [9].

Одним из факторов, способствовавших росту недовольства, стала смена политического руководства. В апреле 2010 г. первым секретарем КПК СУАР стал ханец Чжан Чуньсянь. Он настолько укрепил свое положение, что его стали называть «королем Синьцзяна». Чжан принял ряд мер по консолидации местной политической элиты, отменил некоторые ограничения, например, запрет на использование Интернета и др. Однако он не смог предотвратить новых беспорядков.

В сентябре того же года прошла демонстрация, в которой, в основном, приняли участие ханьцы, с требованием его отставки. Хотя события, аналогичные тем, что произошли в июле 2009 г., не повторялись, но беспорядки и инциденты насилия по-прежнему имели место. Широкую огласку получило убийство 74-летнего уйгурского имама Абдурехима Даомалла в августе 2013 г. Абдурехим был заместителем председателя Исламской ассоциации города Турфана, связанной с правительством и осуждавшей сепаратизм и терроризм [10].

Убийцами были радикально настроенные уйгуры, обвинявшие часть высшего мусульманского духовенства в «предательстве» по отношению к своей этнической группе. В конце апреля 2014 г. на железнодорожной станции в Урумчи произошло нападение террориста-смертника, в результате которого три человека погибли и было много раненых. Что еще больше усугубило этот инцидент в глазах властей, так это то, что он произошел в течение нескольких часов после того, как Си Цзиньпин завершил инспекционную поездку в Синьцзян.

Акция, похоже, была задумана как преднамеренное и прямое оскорбление его власти и легитимности в глазах уйгуров. За первую половину 2014 г. жертвами конфликта в Синьцзян-Уйгурском автономном районе стало более 200 человек, в т.ч. и из-за ограничений по поводу Рамадана³. Продолжением этих событий стало убийство 30 июля того же года имама Джума Тахира, который в своих проповедях поддерживал власти КНР [25].

Террористические акты с участием уйгуров происходили и за пределами Синьцзяна: один из них - 28 октября 2013 г. на площади Тяньаньмэнь в Пекине, когда уйгур на джипе намеренно врезался в толпу туристов; другой - 1 марта 2014 г., когда 10 уйгурских сепаратистов, нападавшие с ножами на железнодорожной станции Куньмин, убили 31 и ранили 143 человека (подробнее см.: [23]).

В середине 2000-х гг. Китай втягивается в волну исламского терроризма, который еще раньше затронул страны Ближнего Востока, Африку, Индию, Индонезию. В своей речи в Мосуле 4 июля 2014 г. лидер ИГИЛ Абу Бакр аль-Багдади включил Китай в число стран, где «права мусульман были насильственно попораны».

² Например, в СУАР открыто 7 автомобильных заводов, которые поставляют в центральноазиатские республики около 20 тыс. автомашин в год. См. подр.: <http://russian.people.com.cn/31518/8045861.html> (accessed 06.08.2021)

³ В Синьцзяне погибли 50 человек. *Коммерсант*, 26.09.2014. <https://www.kommersant.ru/doc/2576890> (accessed 01.09.2021)

В самом Синьцзяне в это время увеличивалось число сочувствующих мусульманским террористам. Вполне естественно, что это способствовало активизации борьбы с экстремизмом и терроризмом в СУАР. Крупные проявления терроризма в Синьцзяне и за его пределами вновь привели к кадровым перестановкам. В 2016 г. Си Цзиньпин снял Чжана с должности главы КПК СУАР, и главой партийного комитета КПК СУАР был назначен ханец Чэнь Цюаньго. «Железный Чэнь», как его прозвали, стал осуществлять весьма жесткую политику по наведению порядка в провинции. Превентивные правоохранительные действия в отношении уйгуров, казахов и других национальных меньшинств дали свои результаты. В СУАР не было больше таких крупных терактов и беспорядков, как до назначения Цюаньго. Но сама проблема «трех зол» - терроризма, экстремизма и сепаратизма - сохранилась.

Ключевым источником разногласий в Синьцзяне всегда был демографический фактор. Начиная с 1949 г. численность ханьцев в регионе возростала значительным образом. Между переписями 1953 и 1982 гг. соотношение ханьцев ко всему населению Синьцзяна выросло с 6,1% до 40,4% [11, pp. 247-248]. Хотя фактическая доля ханьцев в СУАР была более или менее стабильной с начала 1980-х гг., но культурное и экономическое влияние этой этнической группы, титульной нации в Китае, изменило Синьцзян, породив негативные настроения среди уйгуров.

По данным переписи 2010 г., численность населения СУАР составляла 21,8 млн человек. Наиболее представительная этническая группа - это уйгуры, 46,42% (около 10,13 млн), за ними следовали ханьцы с 38,99% (около 8,51 млн), казахи и хуэй⁴ занимали 3-е и 4-е места, соответственно, - 7,02% и 4,5%, или, в абсолютных цифрах, чуть более 1,5 млн казахов и чуть менее 1 млн хуэй⁵.

Согласно 7-й общенациональной переписи 2020 г., численность населения СУАР достигла 25,85 млн человек, из которых представители хань составили 42,24%, а национальные меньшинства - 57,76%, из них 44,96% - уйгуры⁶.

С одной стороны, этнический состав населения региона делает СУАР привлекательнее в качестве форпоста на экономическом поясе «Шелкового пути». Основными контрагентами шоп-туристов из стран Центральной Азии являются местные уйгуры и казахи, с которыми им проще найти общий язык. С другой стороны, часть мусульманского тюркоязычного населения Синьцзяна вызывает опасения у Пекина своими радикальными настроениями.

СИНЬЦЗЯН И ОТНОШЕНИЯ КИТАЯ С ЗАПАДОМ

Сочетание исламской культуры и развитие сепаратизма среди уйгуров превратило Синьцзян в настоящую проблему для международных отношений Китая. Особенно остро этот вопрос встал в начале 2000-х гг.

Наиболее влиятельной зарубежной уйгурской организацией является Всемирный конгресс уйгуров (ВУК). Созданный на конференции в Мюнхене в 2004 г., конгресс представлял собой коалицию антикитайских объединений-диаспор, которые, согласно официальным заявлениям, стремились добиваться национального самоопределения Синьцзяна⁷.

Лидер ВУК Рабия Кадир пыталась формировать в западных странах позитивное общественное мнение в отношении движения уйгуров за независимость. И в поисках новой поддержки она посетила Австралию в августе 2009 г., чтобы присутствовать на премьере документального фильма «10 условий любви», который был снят о ее биографии и антикитайской борьбе. Фильм был показан на Мельбурнском кинофестивале вопреки резкому противодействию китайских властей. Так, англоязычная газета *China Daily* отмечала, что, «предоставив Кадир платформу для антикитайской сепаратистской деятельности, Канберра приняла сторону террористов»⁸. Р.Кадир продолжает жить в Вашингтоне и время от времени делает антикитайские заявления.

Примечательно, что позиция США по отношению к проблеме Синьцзяна не является неизменной. Постепенно США начали менять свое отношение к событиям в СУАР. Если в начале 2000-х гг. Вашингтон без-

⁴ Хуэй - одно из 56 официально признанных национальных меньшинств КНР. В течение многих веков исповедует ислам (ханафитского толка) и является носителем исламского культурного наследия (*прим. ред.*).

⁵ Xinjiang Yining Urban Transport Improvement Project. The World Bank. <https://projects.worldbank.org/en/projects-operations/project-detail/P126454> (accessed 06.08.2021)

⁶ Численность населения Синьцзяна увеличилась на 18,52% за последние 10 лет. http://russian.news.cn/2021-06/14/c_1310007142.htm (accessed 06.08.2021)

⁷ World Uyghur Congress. <https://www.uyghurcongress.org/en/introducing-the-world-uyghur-congress/> (accessed 07.08.2021)

⁸ Australia's choice. *China Daily*, 19 August 2009. P. 8. http://www.chinadaily.com.cn/opinion/2009-08/19/content_8586007.htm (accessed 08.08.2021)

оговорочно возлагал всю вину на Пекин, обвиняя его едва ли не в этническом геноциде⁹, то позже его официальные представители изменили свое отношение к акциям боевиков в Синьцзяне. Так, в ответ на инцидент, произошедший в мае 2014 г. на рынке Урумчи, пресс-секретарь Белого дома Джей Карни опубликовал заявление, начинавшееся с того, что США осуждают террористический акт в Синьцзяне. В частности, он отметил: «Это отвратительный и возмутительный акт насилия в отношении ни в чем не повинных гражданских лиц, и Соединенные Штаты решительно выступают против всех форм терроризма» [12]. В период правления Б.Обамы отношения двух стран несколько стабилизировались. Но встречи Си Цзиньпина с Б.Обамой не сняли противоречий между Пекином и Вашингтоном.

С приходом Д.Трампа отношения США и КНР ухудшились. Официальный визит госсекретаря М.Помпео в Казахстан и Узбекистан в начале февраля 2020 г. только подтвердил это. Это был первый визит высокопоставленного американского дипломата в эти страны за 5 лет, и он почти полностью был сосредоточен на Китае. Помпео призвал страны Центральной Азии опасаться китайских инвестиций и призвал их громче выступить против политики Китая в Синьцзян-Уйгурском автономном районе [13].

Отношения США и КНР, по сути, переросли в торговую войну, что, однако, положительно сказалось на возможностях СУАР с его свободными экономическими зонами и трансграничной инфраструктурой. Администрация Дж.Байдена вновь стала указывать на «растущую агрессию» Китая (внутреннюю борьбу с экстремизмом и международную экономическую активность) и стремиться к созданию союза с Европой и другими своими традиционными партнерами. Многие из союзников США охотно подыгрывали Вашингтону. Например, в этом направлении лидирует Австралия, премьер-министр которой С.Моррисон заявил, что, по его мнению, Новый шелковый путь «не отвечает национальным интересам Австралии» [14].

В то же время Европейский Союз и, в частности, Германия стараются вести себя более самостоятельно. Китай является крупнейшим торговым партнером ЕС с общим объемом в \$586 млрд, по данным на 2020 г.¹⁰ В декабре 2020 г. канцлер Германии А.Меркель привела ЕС к подписанию масштабного инвестиционного соглашения между ЕС и Китаем. Вероятно, это был некий апогей в отношениях между ЕС и КНР. Однако вскоре создание «центров по перевоспитанию» в Синьцзяне и усиление Пекином мер административного контроля в Гонконге привели к ухудшению отношений. В мае 2021 г. Европейский парламент ратифицировал это инвестиционное соглашение с Китаем, были введены санкции против китайских чиновников из-за «центров по перевоспитанию» в СУАР.

22 февраля 2021 г. Канада стала второй страной после США, признавшей действия Китая против уйгуров в Синьцзяне «геноцидом». Парламент Нидерландов принял аналогичное решение 25 февраля 2021 г. [15].

ГОСУДАРСТВА, ГРАНИЧАЩИЕ С СУАР

Самые протяженные границы у Синьцзяна - с Монголией и Казахстаном. Также СУАР граничит с Кыргызстаном, Таджикистаном, Россией, Афганистаном, Пакистаном и Индией.

Нужно признать, что в двусторонних отношениях России и Китая, а также Монголии и Китая, Синьцзян не играет сколько-нибудь значительной роли. На официальном уровне в Москве событиям в СУАР не уделяется внимания, а инциденты, происходящие в автономном районе, в российских СМИ замалчиваются, чтобы не подвергать сомнению отношения стратегического партнерства двух стран.

Что касается Пакистана, он традиционно поддерживал хорошие отношения с Китаем, но в то же время являлся ареной исламистских настроений [16, р. 27]. С 2011 г. произошло несколько инцидентов, которые оказали негативное воздействие на отношения Пакистана и США. Среди них - убийство лидера «Аль-Каиды» Усамы бен Ладена в мае 2011 г. на территории Пакистана без согласования с местным правительством и нанесение авиаудара по подразделению пакистанских солдат [17, р. 8]. Это, безусловно, сблизило Пакистан и КНР. В свою очередь, Китай делает все возможное для поддержания тесных отношений с Пакистаном. Экономические отношения двух стран в последнее время расширились. Китай также активно инвестирует в инфраструктуру Пакистана, основным примером чего является порт в Гвадаре на юго-западе Пакистана. Для Китая через этот порт пролегает короткий путь к богатым нефтью ближневосточным странам.

Во время визита в Пакистан в мае 2013 г. премьер Госсовета КНР Ли Кэцян официально выдвинул идею китайско-пакистанского экономического коридора, связывающего Кашгар в Синьцзяне с Гвадаром, откры-

⁹ US State Department accusation of China 'genocide' relied on data abuse and baseless claims by far-right ideologue. <https://www.mfa.gov.cn/ce/cebel/eng/zt/xinjiangEN1/t1860060.htm> (accessed 10.11.2021)

¹⁰ Китай стал крупнейшим торговым партнером ЕС. *Коммерсант*, 16.02.2021. <https://www.kommersant.ru/doc/4692754> (accessed 01.09.2021)

вающего потенциал для крупных торговых и энергетических поставок между Китаем, Ближним Востоком и Африкой [16, р. 28]. Создание китайско-пакистанского экономического коридора длиной в 3000 км оценивается в \$60 млрд.

Однако этническая обстановка в СУАР влияет на отношения Китая с Пакистаном. Некоторые уйгуры, причастные к терроризму и боевым действиям в Афганистане, нашли убежище в Пакистане, в то время как другие прошли подготовку в Пакистане, чтобы принять участие в «джихаде» против китайского государства. Когда в июле 2011 г. в Кашгаре вспыхнуло насилие, китайские власти утверждали, что лидер одного из главных инцидентов проходил подготовку в Пакистане [17].

Как бы то ни было, инцидент в целом не повредил китайско-пакистанским отношениям. Пакистан отрицал какие-либо связи с уйгурскими террористами. По словам американского антрополога и эксперта по Центральной Азии из университета Джорджа Вашингтона Шона Робертса, правительство Пакистана настаивало на том, что оно поможет КНР в решении проблемы, с которой она столкнулась [18, р. 16].

Обращаясь к Центральной Азии, следует отметить, что одной из ключевых тенденций в регионе является распространение экономического и стратегического влияния Китая. Как и в случае с Монголией, это обычно приветствуется в официальной государственной политике центральноазиатских стран. Но иногда в общественном мнении возникают опасения по отношению к КНР и ханьцам. Так, например, в Казахстане в 2019 г. прокатились массовые протесты против строительства китайских заводов [24].

Как показывает анализ французского историка и политолога Марлен Ларюэль, посвященный современной ситуации в Центральной Азии, можно говорить о том, что в этом регионе синофилия и синофобия идут рука об руку [19, р. 192]. Происходит тихое, но значительное продвижение Китая в Центральной Азии, в котором роль Синьцзяна имеет решающее значение. Хотя экономическое продвижение Китая в Центральной Азии носит многоплановый характер, его основное внимание уделяется обеспечению ресурсами и энергией. В сентябре 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин совершил визит в регион, в ходе которого было подписано 47 сделок (по предоставлению китайских кредитов и поставок центрально-азиатских энергоресурсов) на сумму более \$60 млрд¹¹.

Несмотря на снижение товарооборота с \$46,4 млрд в 2019 г. до \$38,6 млрд в 2020 г. КНР продолжает оставаться ведущим торговым партнером для центральноазиатских стран¹². Хотя на ЦА приходится 0,8% китайского импорта и 0,9% экспорта, зависимость региона от Китая растет. В настоящее время на долю КНР приходится около 22% всего экспорта из Центральной Азии и 37% их импорта. Таким образом, страны Центральной Азии находятся в асимметрично зависимых торговых отношениях с Китаем [13].

В развитии проекта Нового шелкового пути определенную роль играет и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Одной из главных причин создания ШОС было предотвращение распространения исламистского влияния и терроризма, а также трансграничная перевозка наркотиков. В составе ШОС была организована Региональная антитеррористическая структура (РАТС), базирующаяся в Ташкенте. ШОС была создана в июне 2001 г., т.е. за несколько месяцев до теракта 11/9, что свидетельствует о том, что страны региона были хорошо осведомлены об опасных тенденциях терроризма в регионе.

Одной из причин беспорядков в июле 2009 г. в СУАР Китай назвал вмешательство извне, в т.ч. из Центральной Азии. В 2013 г. РАТС создала специальное подразделение для оказания помощи Китаю в борьбе с терроризмом в Синьцзяне.

Директор исполнительного комитета РАТС Чжан Синьфэн обосновал решение о коллективных действиях по всей Центральной Азии следующим образом: «Террористические нападения в Синьцзяне тесно связаны с деятельностью террористических, сепаратистских и экстремистских сил в Центральной Азии, поэтому совместные антитеррористические усилия стран-членов имеют решающее значение для стабильности Китая в долгосрочной перспективе» [20]. Хотя Китай, в целом, избегает вмешательства во внутреннюю политику других стран, он использовал ШОС, стремясь оказать давление на правительства Казахстана и Кыргызстана, чтобы они закрыли уйгурские политические партии и газеты [21].

Нужно признать, что некоторый ущерб репутации Китая в Центральной Азии нанесла национальная политика Пекина в Синьцзяне. Ограничения по отношению к ортодоксальным мусульманам в Китае возмущают религиозно настроенную и малообразованную часть населения Центральной Азии. Они считают, что китайцы (ханьцы) видят во всех мусульманах и тюркских народах источник терроризма и экстремизма. В Центральной Азии имеет место распространение слухов и ложной информации через социальные сети и приложения для обмена сообщениями о «жестоких преследованиях» мусульман в Синьцзяне [13].

¹¹ КНР прокладывает новый Шелковый путь в Азии. https://www.bbc.com/russian/international/2013/10/131022_china_central_asia_silk_road (accessed 01.09.2021)

¹² Китай и Центральная Азия: новый формат партнерства открывает дополнительные возможности для сотрудничества и развития региона. <http://russian.people.com.cn/n3/2021/0514/c95181-9850039.html> (accessed 15.09.2021)

На сегодняшний день около 1,5 млн казахов, 200 тыс. киргизов, 50 тыс. сарыкольцев и ваханцев, близких к таджикам, и 18 тыс. узбеков проживают в СУАР. Среди задержанных и отправленных в «центры по перевоспитанию» в Китае есть также выходцы из Казахстана и Кыргызстана. Их родственники уже несколько лет проводят пикеты у посольств Китая в Нур-Султане и Бишкеке. Хотя антикитайские протесты периодически вспыхивают в разных городах Казахстана и Киргизии, говорить о всеобщей синофобии еще рано [13]. Можно говорить о том, что страны Центральной Азии в некоторой степени настороженно относятся к расширению влияния Китая, опасаясь его доминирования. Постепенно Китай становится самым влиятельным игроком в Центральной Азии. И в этой связи Новый шелковый путь способствует как экономическому развитию региона, так и укреплению позиций КНР.

СИНЬЦЗЯН И ОТНОШЕНИЯ КИТАЯ С ТУРЦИЕЙ

Уйгуры являются тюрками, и ситуация в Синьцзяне вызывает озабоченность Анкары. Интересным представляется исторический факт, что именно в Кашгаре (южный Синьцзян) правитель из династии Караханидов Сатук Бугра-хан стал первым правителем среди тюркских народов, принявшим ислам в X в. Но интересы Турции в Центрально-азиатском регионе (ЦАР) находятся не только в сфере этнокультурных традиций. Усиление Китая в качестве основного интегратора в ЦАР, конечно же, не могло не вызвать обеспокоенности со стороны турецкого правительства.

По сути, отношения Турции с Китаем стали напряженными начиная с июля 2009 г., но с тех пор они значительно улучшились. Реакция Анкары на подавление беспорядков в Синьцзяне была очень негативной. Тогда премьер-министр Р.Т.Эрдоган заявил, что «происходящее в Китае является своего рода геноцидом»¹³. В то же время экономика играет большую роль в отношениях двух стран. В 2011 г. товарооборот составил \$24 млрд, из которых \$21,5 млрд пришлось на китайские товары. В 2020 г. товарооборот Турции и Китая вырос до \$26 млрд¹⁴.

Китай заинтересован в инвестировании в турецкие инфраструктурные проекты, такие как канал, который в 2027 г. соединит Черное и Мраморное моря. В 2012 г. Эрдоган посетил СУАР и получил согласие Китая на создание торговой зоны в Урумчи. Однако в этом нет ничего необычного или противоречащего интересам Китая. В то же время представители международного уйгурского движения восприняли это с чрезмерным энтузиазмом, наделив турецкого лидера эпитетом «защитника уйгуров». Однако не стоит забывать, что на сегодняшний день в переговорах с китайским правительством для Турции важнее не проблема Синьцзяна, а дальнейшее развитие торговых отношений с Китаем [26].

На сегодняшний день в Турции проживает около 50 тыс. уйгуров¹⁵. В январе 2021 г. после нескольких месяцев протестов турецких уйгуров у консульства КНР в Стамбуле, пытавшихся получить информацию о пропавших без вести в Китае членах их семей, полиция запретила их собрания из-за опасений по поводу общественной безопасности, а также в целях предотвращения распространения COVID-19 [15].

Отметим, что еще в июле 2019 г. Эрдоган заявил: «Счастливая жизнь, процветание и счастье всех народов в китайском Синьцзяне является свершившимся фактом, турецкая сторона не позволит никому разжечь вражду между Китаем и Турцией»¹⁶. Таким образом, турецкие власти не идут на открытую конфронтацию с Китаем, при этом иногда делают критические заявления, но в целом поддерживают партнерские отношения. Безусловно, Турция заинтересована в проекте Нового шелкового пути и не станет подвергать риску собственные экономические интересы, поддерживая националистическое движение части уйгуров.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Среди наиболее важных международных тенденций в 2000-е гг. следует выделить беспрецедентный экономический рост Китая. На сегодняшний день более 60 стран, в которых проживает 2/3 населения мира, включились в проект Нового шелкового пути или проявили к нему интерес. В рамках проекта Китай уже потратил около \$200 млрд и, согласно прогнозам, к 2027 г. его инвестиции составят более \$1,2 трлн [22].

¹³ Turkish PM Erdogan likens Xinjiang violence to genocide // France 24 International News. <https://www.france24.com/en/20090710-turkish-pm-erdogan-xinjiang-violence-genocide-turkey-uyghurs-han-trade-beijing-china> (accessed 20.08.2021)

¹⁴ Турция и Китай наращивают торговлю за счет железных дорог. <https://vestikavkaza.ru/articles/turcia-i-kitaj-narativaut-torgovlu-za-scet-zeleznyh-dorog.html> (accessed 20.08.2021)

¹⁵ Uyghurs in Turkey welcome U.S. boycott of Olympics. <https://www.reuters.com/lifestyle/sports/uyghurs-turkey-welcome-us-boycott-olympics-2021-12-07/> (accessed 07.12.2021)

¹⁶ Все народы в Синьцзяне живут счастливо - Эрдоган. *Sputnik Казахстан*. <https://ru.sputnik.kz/20190702/erdogan-sinczyan-narody-10802954.html> (accessed 12.12.2021)

СУАР как часть КНР также вносит свой вклад в изменение баланса сил, который благоприятствует Китаю по сравнению с США и Россией, прежде всего, в том, что касается Пакистана, Центрально-Азиатского региона и Турции. Существует потенциальная напряженность между Китаем и Турцией, на которую рассчитывает часть уйгуров Синьцзяна, но в настоящее время сотрудничество и стабильные двусторонние отношения в большей степени отвечают интересам обеих стран.

Сухопутная часть Нового шелкового пути достаточно важна для КНР, поскольку позволяет частично решить проблему зависимости от морских коммуникаций с их издержками и угрозой, создаваемой США в Восточно-Китайском и Южном-Китайском морях. При этом для сохранения стабильности сухопутного участка будет необходим контроль над радикально настроенными уйгурскими организациями.

По официальным заявлениям Пекина, Синьцзян - «ключевое поле битвы в борьбе с терроризмом в Китае»¹⁷. В последние годы под опекой и при поддержке центрального правительства СУАР наладил механизмы сотрудничества с соседними странами по борьбе с терроризмом в приграничных районах и между правоохранительными органами. Прагматические обмены и сотрудничество осуществлялись в сфере разведки, совместного пограничного контроля, расследования и поимки подозреваемых террористов, прекращения финансирования терроризма, пресечения терроризма в киберпространстве и транснациональных преступлений, судебной помощи и трансграничной нефтегазовой деятельности¹⁸.

Специфическое положение Синьцзян-Уйгурского автономного района на Новом шелковом пути не только способствует его превращению в важнейшее место для транзита товаров, сырья, капиталов и организации производства, но и создает трансграничные риски в условиях возможных терактов уйгурских боевиков.

Этнические и религиозные разногласия в Синьцзяне по-прежнему серьезны. Исламистское давление все еще присутствует в Центральной Азии и усиливается на Среднем Востоке. Это, в свою очередь, может способствовать росту нестабильности в самом СУАР. Необходимость подавления терроризма и религиозного экстремизма сопровождается силовыми мерами, которые, вероятно, будут по-прежнему использоваться западными странами для пропагандистских выпадов против КНР. Однако они, скорее всего, представляют собой различные экономические интересы. Сложно поверить, что западные державы или какие-либо другие страны будут рисковать экономическими преимуществами в Синьцзяне ради критики национальной политики КНР. В конце концов, и Запад, и Китай разделяют враждебность к исламизму.

Шелковый путь и Синьцзян как зона конфликта в Центральной Азии могут быть в некотором роде противоположностями, но они не являются взаимоисключающими друг друга реалиями.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Swami P. 2011. India backs New Silk Road in Central Asia. *The Hindu*, 24 September. <https://www.thehindu.com/news/national/india-backs-new-silk-road-in-central-asia/article2480058.ece> (accessed 01.08.2021)
2. Баженова Е.С., Островский А.В. Синьцзян - горизонты нового Шелкового пути. М.: «Издательство МБА», 2016, с. 210. Bazhenova E.S, Ostrovskiy A.V. 2016. Xinjiang - Horizons of the New Silk Road. Moscow. P. 210. (In Russ.)
3. 习近平. 2013. 弘扬人民友谊共创美好未来. (Xi Jinping. Develop friendship between peoples, jointly create a wonderful future). (In Chin.). http://www.wrsa.net/content_40747541.htm (accessed 12.09.2021)
4. Brown K. 2014. The New Silk Road: China Reclaims Its Crown. *The Diplomat*, 18 November 2014. <http://thediplomat.com/2014/11/the-new-silk-road-china-reclaims-its-crown> (accessed 10.08.2021)
5. Буяров Д.В. Синьцзян и экономический пояс на Шелковом пути. *Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы IX международной научно-практической конференции*. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2019. с. 16-21. Buyarov D.V. 2019. Xinjiang and the economic belt on the Silk Road. *Russia and China: history and prospects of cooperation. Materials of the IX International Scientific and Practical Conference*. Blagoveshchensk. Pp. 16-21 (In Russ.)
6. 谭衷. 2020. 解码西部大开发再升级. (Tang Zhong. Western Region Development and Modernization) (In Chin.). http://www.xinhuanet.com/2020-06/18/c_1126129678.htm (accessed 03.08.2021)
7. 中国统计年鉴-2020. (China Statistical Yearbook) (In Chin.). <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2020/indexch.htm> (accessed 01.10.2021)
8. 中国统计年鉴-2021: (China Statistical Yearbook) (In Chin.). <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2021/indexch.htm> (accessed 01.11.2021)
9. Patience M. 2012. Will development bring stability to restive Xinjiang city of Kashgar? *BBC News, China*, 16 August 2012. <http://www.bbc.co.uk/news/world-asia-china-19264601> (accessed 04.08.2021)
10. Hoshur S., Vandenbrink R. 2013. Imam stabbed to death after supporting crackdown against Uyghurs. *Radio Free Asia*, 16 August. <https://www.rfa.org/english/news/uyghur/imam-08162013200309.html> (accessed 05.08.2021)

¹⁷ Борьба с терроризмом и превентивные репрессии. Меняющаяся стратегия Китая в Синьцзяне. <https://www.caa-network.org/archives/19076> (accessed 10.12.2021)

¹⁸ The Fight against Terrorism and Extremism and Human Rights Protection in Xinjiang. http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2019/03/18/content_281476567813306.htm (accessed 23.08.2021)

11. Starr S.F. 2004. Xinjiang. China Muslim Borderland. Armonk, New-York: M.E. Sharpe. Pp. 247-248.
12. Carney J. 2014. Statement by Press Secretary Jay Carney on terrorist attack in China. The White House. 22 May. <https://obama.whitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/05/22/statement-press-secretary-jay-carney-terrorist-attack-china> (accessed 08.08.2021)
13. Umarov T. 2020. China Looms Large in Central Asia. <https://carnegie.ru/commentary/81402> (accessed 08.08.2021)
14. Coonan C. 2021. Opinion: China's New Silk Road is full of potholes. <https://www.dw.com/en/opinion-chinas-new-silk-road-is-full-of-potholes/a-57427475> (accessed 18.09.2021)
15. Kashgarian A., Sahinkaya E. 2021. Turkey Cracks Down on Uighur Protesters After China Complains. <https://www.voanews.com/east-asia-pacific/turkey-cracks-down-uighur-protesters-after-china-complains> (accessed 10.08.2021)
16. Siddique Q. 2014. Deeper than the Indian Ocean? An analysis of Pakistan-China relations. *SISA Report* № 16, Oslo: SISA Centre for International and Strategic Analysis. P. 27. <https://silo.tips/download/sisa-report-no-deeper-than-the-indian-ocean-an-analysis-of-pakistan-china-relati> (accessed 10.08.2021)
17. Wines M. 2011. China Blames Foreign-Trained Separatists for Attacks in Xinjiang. *The New York Times*, 1 August 2011. <http://www.nytimes.com/2011/08/02/world/asia/02china.html>. (accessed 14.08.2021)
18. Roberts S. 2012. Imaginary Terrorism? The Global War on Terror and the Narrative of the Uyghur Terrorist Threat. Washington, D.C.: The Institute for European, Russian and Eurasian Studies, Elliott School of International Affairs, The George Washington University. P. 16. https://www.researchgate.net/publication/272998379_Imaginary_Terrorism_The_Global_War_on_Terror_and_the_Narrative_of_the_Uyghur_Terrorist_Threat (accessed 25.08.2021)
19. Laruelle M., Peyrouse S. 2012. The Chinese Question in Central Asia: Domestic Order, Social Change, and the Chinese Factor. New-York: Columbia University Press, London: Hurst. P. 192. https://www.academia.edu/34356557/The_Chinese_Question_in_Central_Asia_Domestic_Order_Social_Changes_and_the_Chinese_Factor_London_New_York_Oxford_University_Press_and_Hurst_2012_co-authored_with_Sebastien_Peyrouse (accessed 12.10.2021)
20. Weitz R. 2014. The Shanghai Cooperation Organization: A Fading Star? *The Asan Forum: An Online Journal*, 2(6), November-December. <https://theasanforum.org/the-shanghai-cooperation-organization-a-fading-star/> (accessed 12.08.2021)
21. Su Mei Ooi, Trinkle K. 2015. China's New Silk Road and Its Impact on Xinjiang. <https://thediplomat.com/2015/03/chinas-new-silk-road-and-its-impact-on-xinjiang/> (accessed 15.08.2021)
22. Chatzky A., McBride J. 2020. China's Massive Belt and Road Initiative. <https://www.cfr.org/backgrounder/chinas-massive-belt-and-road-initiative> (accessed 20.08.2021)
23. Буяров Д.В. Проблема этнического терроризма и сепаратизма в современном Китае. *Современный Китай в условиях трансформации* / Отв. ред. Д.В. Кузнецов, Д.В. Буяров. М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 114-115.
Buyarov D.V. 2015. The problem of ethnic terrorism and separatism in modern China. *Modern China in the conditions of transformation* / Edited by D.V. Kuznetsov, D.V. Buyarov. Moscow. Pp. 114-115. (In Russ.)
24. Кулинцев Ю. Актуальны ли антикитайские протесты в Казахстане для российских интересов? Российский совет по международным делам, 4.10.2019. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/aktualny-li-antikitayskie-protesty-v-kazakhstan-dlya-rossiyskikh-interesov/> (accessed 10.09.2021)
Kulintsev Yu. 2019. Are anti-Chinese protests in Kazakhstan relevant to Russian interests? Russian Council for International Affairs. 4 October 2019. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/aktualny-li-antikitayskie-protesty-v-kazakhstan-dlya-rossiyskikh-interesov/> (accessed 10.09.2021) (In Russ.)
25. Demick B. 2014. Uighur imam who supported Chinese Communist Party is stabbed to death. *The Los Angeles Times*. <https://www.latimes.com/world/asia/la-fg-china-imam-killed-20140730-story.html> (accessed 12.09.2021)
26. Nury A. 2012. A Turkish Primer on Engaging Beijing. <https://www.wsj.com/articles/SB10001424052702303513404577353272107433282> (accessed 12.11.2021)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Буяров Дмитрий Владимирович, кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории, философии и культурологии, Благовещенский государственный педагогический университет, Благовещенск, Россия.

Dmitry V. Buyarov, PhD (Philosophy), Associate Professor, Head, Department of General History, Philosophy and Cultural Studies, Blagoveshchensk State Pedagogical University, Blagoveshchensk, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 19.04.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 20.06.2022

Принята к публикации
(Accepted) 24.06.2022